

На правах рукописи

СЕДАКОВА Ирина Александровна

**Лингвокультурные основы
родинного текста болгар**

Специальность –
10.02.03 – Славянские языки

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва 2007

Работа выполнена в Отделе типологии
и сравнительного языкознания
Института славяноведения Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **С.М.Толстая**
доктор филологических наук **С.Ю.Неклюдов**
доктор филологических наук **Е.Л.Березович**

Ведущая организация – **Московский государственный университет**, филологический факультет, кафедра славянской филологии

Защита состоится _____
на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а, корпус «В», 9 этаж (ауд. 902-904).

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете
Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 10 августа 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Н. М.Куренная

© Институт славяноведения РАН, 2007 г.

Общая характеристика. Диссертация посвящена многоплановому анализу болгарского родинного текста (в широком понимании термина «текст» по В.Н.Топорову) и написана в русле исследований «язык и (народная) культура». В центре внимания находятся ключевые лингвокультурные идеи, представленные эксплицитно и имплицитно в терминологии, фольклоре, мифологии и обрядности родин. Эти идеи передаются через семиотические оппозиции (жизнь/смерть, норма/аномалия, счастье/несчастье, свой/чужой, здоровье/болезнь, брак/безбрачие, красота/уродство, белый/черный и др.) и вписываются в общее представление о связи рождения человека и его судьбы. Родины рассматриваются как ритуал перехода (*rite de passage*), а весь обрядовый цикл – как цепь инициаций.

Исследование носит междисциплинарный характер, в нем ставится и решается широкий круг задач из области лингвистики, фольклористики, этнологии и культурной антропологии. В работе анализируются лексические и фразеологические компоненты родинной обрядности, имя собственное, принципы выбора имени и этнография речевого поведения; мифологические и народно-православные воззрения на концепт судьбы в контексте родин; ритуалы и обряды первого года жизни ребенка. Особое место в диссертации уделяется использованию кодов (пищевого, вкусового, числового и цветового), которые прослеживаются на всех уровнях родинного текста болгар и маркируют наиболее нагруженные с точки зрения семантики и сакральности компоненты.

Родины как текст имеют сложную временную перспективу, сопряженную с предьсторией (иногда уходящей в далекое прошлое, на несколько поколений вглубь, если речь идет о родовом проклятии и т. п.), с настоящим (оно объясняется прошедшим или интерполируется на будущее) и предстоящим развитием событий. Смысловой доминантой родинного текста является судьба. Рождение и судьба не существуют отдельно друг от друга; без рождения не может быть судьбы, а без судьбы не может быть рождения: бездетность или, наоборот, многодетность воспринимается в традиционной картине мира как судьба матери и отца.

Рождение «хронологически» рассматривается в работе очень широко: охвачены не только период от зачатия до рождения младенца, но и постнатальный этап, развитие и социализация ребенка вплоть до празднования его первых шагов – метафорически представляющего вступление человека в самостоятельную, взрослую жизнь. Однако появление ребенка на свет, согласно народным представлениям, определяется задолго до зачатия, оно зависит от судьбы его родителей, членов семьи и – шире – всего рода. Таким образом, в текст рождения входит судьба младенца, судьба его родителей и рода, судьба участников родин (повитухи и восприемников, кормилицы) и других лиц. Более того, через рождение судьба индивидуума связывается с участью общины (например, рождение внебрачного ребенка несет потенциальную опасность селу – град, засуху и пр.).

Концепт судьбы служит лингвокультурным центром родинного текста, им определяются или с ним соотносятся другие идеи, представления, которые находят место в терминологии, поверьях и всей ритуальной практике. В диссертации содержится последовательная интерпретация концепта судьбы в его различных «ипостасях»: анализируется собственно лексика судьбы, удела и участи; опосредованная передача идей детерминированности человеческой жизни с самого ее начала – через лексику и фразеологию, фольклорные речевые и нарративные жанры. Концепт судьбы «прочитывается» в мотивировках магических действий и своде правил поведения, органично входящих в родинный текст.

Судьба, в свою очередь, в традиционных воззрениях болгар имеет четкие лингвокультурные параметры, которые конкретизируются в лексике, фольклоре и обрядности. В понятие судьбы входят основные этапы жизненного пути человека: вступление в брак, появление детей и смерть. С судьбой связываются и другие аспекты жизни – удача, здоровье, богатство, черты и свойства личности, внешние данные, профессиональные навыки и др. Все эти детали будущего закладываются преимущественно в текст рождения, ритуалы которого призваны обеспечить нормальное протекание жизни человека и даровать ему благополучие.

Нарушение правил и регламентаций родинной обрядности или пренебрежение ими – это грех, за которым следует наказание. Одним из наказаний служит отмеченность младенца (уродства и аномалии; родимые пятна и другие «знаки» на теле). Стремление к рождению нормального ребенка (болг. *като свето* «как все») и отсутствия «знаков» на теле младенца передается в родинном тексте через акциональные, темпоральные, локативные, цветовые, числовые, вкусовые и другие коды, которые доминируют в описании запретов и рекомендаций для беременной, в ритуализованном поведении повитухи, интерпретации обстоятельств рождения, правил по уходу за младенцем и пр.

Особое место здесь занимает вербальный код, поскольку равноценность слова и действия (сказанное в народной традиции равнозначно сделанному, о чем писали Д.И.Зеленин, П.Н.Богатырев, Н.И.Толстой, В.Н.Топоров и другие ученые) – существенная особенность архаических поверий, отчетливо проявляющаяся в родинном тексте и коррелирующая с синкретизмом, «неразложимостью» лингвокультурных явлений. На этих важнейших представлениях базируется прагматика родин, эксплицирующаяся, в частности, во множестве вербализованных запретов, в описании развернутых обрядовых актов и мелких ритуалов и отражающаяся в форме быличек, нарративов и других фольклорных жанров (сказок, песен, баллад и пр.).

В диссертации делается попытка реконструкции лингвокультурных основ родин как одного из фрагментов архаической картины мира. Эта картина антропоцентрическая, на языковом уровне она передается не только обрядовой терминологией, но и лексикой, которая, не имея прямого отношения к родинам, составляет смысловой центр паремии, афоризма, нарратива (былички), апеллирует к деталям рождения, нарушению свода народных правил и т. п.

В «хронологии» рождения – начала жизни – выделяются маркированные точки (или периоды), концентрирующие в себе лингвокультурные основы родин. К таким точкам относятся все первое в жизни ребенка (купание, пеленание, кормление; зуб, слово,

шаги), определенные периоды (до крещения, до очистительной молитвы матери и пр.) и праздники (родины, крестины, пострижины). Первое в родинном тексте болгар в отличие от других славян противостоит второму (повтору), воспринимаемому как опасное и нежелательное, предвещающее смерть.

В ходе работы выявлены и описаны сквозные мотивы (о понятии «мотив» см. ниже), проходящие через весь родинный текст, которые отличают болгарскую традицию от общеславянской и определяют ее балканославянскую специфику (действия с пуповиной, соление младенца и пр.). Определение и анализ лингвокультурных балканизмов в болгарских родинах составляет существенную часть диссертации.

Актуальность избранной темы определяется тем, что в научной литературе болгарские (и не только болгарские) родины не рассматривались как синкретический текст, лингвокультурные компоненты которого проецируются на взрослую жизнь человека. Так, рождение ребенка не анализировалось в тесной связи с его последующей судьбой, а это составляет основу основ родинной семантики и прагматики. Несмотря на то что в Болгарии, России и других славянских странах опубликовано и собрано значительное количество полевых и экспедиционных материалов, комплексный этнолингвистический и семиотический анализ родин с учетом терминологии, фразеологии, ритуально-обрядовых и мифологических сведений, фольклора не проводился.

Обращение к исследованию болгарской народной традиции в диссертации не случайно. Болгарский язык входит и в славянский, и в балканский языковой союзы (БЯС), а болгарская традиционная картина мира соотносится и со славянской, и в значительной степени с балканской. Болгария расположена в центре Балкан (и, соответственно, находится в контакте со всеми другими балканскими странами), болгарский язык (разные его ареалы) причисляется учеными к эталонным членам БЯС (С.Б.Бернштейн, В.Фридман, П.Асенова и др.). Исследование одной традиции в балканском макроконтексте (по В.Н.Топорову) не только имеет право на существование, но и очень перспективно. В данном случае ограничение

одной традицией имеет определенную цель – оно необходимо для выявления всей панорамы балканских и славянских компонентов болгарского родинного текста болгар. Следует отметить, что ограничение это условно, поскольку в диссертации постоянно приводятся параллели из инославянских и инобалканских традиций. Для некоторых аспектов родин находится множество балканских неславянских параллелей (терминология и фразеология, имена-клички некрещеных младенцев, речевые жанры, символика рождения в определенные дни, родинная демонология, праздник первых шагов ребенка и др.). Ряд других фрагментов болгарского родинного текста обнаруживает общеславянские универсальные корни (мотивировки терминов для беременной, последа и очистительной молитвы; матримониальные и фертильные мотивы и др.).

Изучение специфики болгарских родин весьма актуально в свете исследования теории языковых и культурных союзов. Болгарская народная традиция и ее словарь обладают такими чертами, которые можно считать основополагающими для формирования и существования союза (и славянского, и балканского). В результате конвергенции и кросскультурных заимствований в болгарской духовной культуре сочетаются элементы разного происхождения; в ней множество заимствований (особенно турцизмов и грецизмов), которые «мимикрируют» под славизмы, сближаясь по звучанию и облику с исконной лексикой, подвергаются народной этимологизации и восстановлению внутренней формы. Случаи контаминации славянского и балканского естественны, такое взаимопроникновение характерно и для других языковых и этнокультурных союзов, поэтому выявление и описание подобных явлений в родинном тексте болгар, не всегда подмечаемых этимологами, представляется весьма существенным.

Перекрестное лингвокультурное межбалканское влияние, как прямое (вследствие контактов в анклавов или на пограничье), так и опосредованное, продолжается и в наши дни и распространяется на языки и экстралингвистическую реальность, обнаруживая яркое воплощение в духовной культуре и народных традициях болгар. Определение языковых и этнокультурных балканизмов в болгар-

ских родинах на общеславянском фоне необходимо для их хронологической стратификации, для выявления субстратных и более поздних наслоений, относящихся к разным этапам истории. Проникновение турцизмов в болгарскую традицию следует изучать с учетом языкового посредничества, путей их продвижения и диалектных различий как в языке метрополии, так и в той форме турецкого языка, на котором говорят балканцы полуострова за пределами Турции (о разделении турецких диалектов на территории Болгарии и Балкан см. *J. Németh. Zur Einteilung der türkisch Mundarten Bulgariens. Sofia, 1956*). Различия формы, семантического объема и символических коннотаций одного заимствования – очевидный факт в языке народной культуры болгар. Это дало основание У. Дуковой писать о двукратном заимствовании слов на Балканах, когда одно и то же слово может вливаться в болгарский язык в различные периоды и через различные языки-посредники (*У. Дукова. Двойно заемане при някои християнски понятия в балканските езици // Съпоставително езикознание. София, 1981. № 2–5*). При исследовании родинного текста болгар просматривается возможность развития на болгарской почве значений, не известных в семантическом объеме слова в словаре языка-донора.

Анализ ареальных характеристик балканизмов стоит в ряду наиболее актуальных проблем болгаристики. Изучение географии заимствований необходимо для обозначения путей и способов (в результате приграничных контактов, в условиях би- и полилингвизма и пр.) проникновения неславянских элементов в словарь и культуру болгар, а также для определения более четкой картины южнославянской специфики болгарского родинного текста.

Изучение родин актуально еще и потому, что в селах и городах Болгарии наблюдается удивительная сохранность и воспроизводимость фактов традиционной культуры, и это дает исследователю богатейший материал для изучения. Кроме того, в наши дни интерес к архаике, к национальной культуре в стране возрастает, что свойственно многим постсоциалистическим государствам. Таким образом, в диссертации затрагивается и насущная для современных исследователей-гуманитариев задача – всесторонний ана-

лиз тенденций культурного развития стран посттоталитаризма и характеристика того, какое место занимают в нем традиционные народные воззрения и практики.

Тот факт, что мы располагаем весьма значительным количеством архивных, опубликованных и собственных экспедиционных сведений по родинам с территории Болгарии (отчасти и диаспоры), повышает научную актуальность исследования. Репрезентативность данных позволяет более аргументированно говорить об исследуемых лингвокультурных явлениях как о базовых компонентах родинного текста болгар.

Степень научной разработанности. Проблематика диссертации коррелирует со многими научными дисциплинами, является предметом исследований разной направленности, и прежде всего лингвистической: теории языковых союзов и балканистики, контактологии, диалектологии, лексикологии и семасиологии, этимологии, этнолингвистики, семиотики. Кроме того, при решении поставленных в диссертации задач учитывались важнейшие работы по фольклористике и этнографии, нарративистике, теории текста.

Родины изучались и описывались в России и за рубежом с разных точек зрения. Уже в XIX – начале XX в. Н.Ф.Сумцов (особенно см.: *Н.Ф.Сумцов. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства Народного Просвещения. М., 1880. Т. 212. № 11–12*), А.Н.Веселовский и другие исследователи отмечали сложность и многоуровневый характер родинного обряда, его лексики, поверий и фольклора. Не случайно материалы по родинной обрядности входили в свод народно-медицинских (*Г.Попов. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903*) или демонологических знаний, рассматривались в контексте всего семейно-обрядового цикла, изучался и родинный фольклор (*Д.И.Успенский. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском уездах Тульской губ.) // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 6. [Репринт]),* и мн. др.

Работы распадаются, по крайней мере, на несколько типов. В родинах и соответственно в исследованиях выделяются два главных действующих лица – *женщина* (беременная, мать), меняющая свой статус, и появляющийся на свет *ребенок*. В связи с этим часть работ разных лет и традиций посвящена лингвокультурным аспектам появления на свет ребенка (ср. из множества работ: *З.Кузеля*. Дитина в звичаях і віруваннях українського народу // *Матеріали до українсько-руської етнології*. Львів, 1906. Т. 8; *Д.А.Баранов*. Образ ребенка в представлении русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам). АКД. СПб., 2000), а часть исследований сосредоточена на матери (или женщине, фертильности и пр.): *Г.И.Кабакова*. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001, и др.

В XX в. появились и монографические исследования, например, украинских, польских и чешских родин; подробные статьи и своды материалов по русским и белорусским родинам. Имеются две большие монографии по югославянской традиции (*Т.Ворђевић*. Деца у веровањима и обичајима нашег народа. Београд, 1990; *Ж.Требјешанин*. Представи о детету у српској култури. Београд, 1991; 2000, 2-е изд.). Отдельные работы посвящены македонским родинам (*М.Х.Ристик*. Обичаи околу раѓањето во Кичевијата// *Етнолог*. Скопје, 1995. 6, и др.). Немало исследований включают родины в семейный цикл обрядов словенцев, поляков и чехов (*P.Z-ablatnik*. Od zibelke do groba. Ljudska verovanja, šege in navade na Koroškem. Celovec, 1982; *D.Simonides*. Od kolebki do grobu. Opole, 1988; *A. Návratilová*. Narození a smrt v české lidové kultuře. Praha, 2004, и др.).

В болгарской научной литературе подобных комплексных исследований нет, хотя опубликованы подробные обзорные статьи и разделы в монографиях, в том числе и в сводах, посвященных отдельным региональным традициям и этническим группам (Капанци; Добруджа; Пловдивски край; Пирински край; Странджа; Сакар и др.). В 2007 г. вышла книга В.Васевой (*В.Васева*. Ритъмът на живота. Репродуктивни и вегетативни цикли в българската традиция. София, 2007), в которой автор детально проследи-

вает животный код в родинной обрядности болгар. Однако работ, осмысляющих хронотоп рождения («субботных» людей, символику рождения во вторник и др.), пока нет; незамеченными остаются сквозные мотивы родин – опасность удвоения и повтора, противостояние смерти, привязанность судьбы человека к его рождению и пр. Нет детального этнолингвистического исследования терминологии и символики родин.

Близкие теме диссертации положения на балканском материале обсуждались в работах русских ученых (*Т.В.Цивьян*. Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // *Македонски фолклор*. Скопје, 1982. Т. 29-30; *Н.И.Толстой*. Магические обряды и верования, связанные с южнославянскими «одномесечниками» и «однодневками» // *Малые формы фольклора*. Сб. статей памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995; *С.М.Толстая*. Магия против смерти // *Балканские чтения-2*. Симпозиум по структуре текста. М., 1992, и др.). В монографии А.А.Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» (М., 2004) автор в ряду многих аспектов народной балканославянской культуры подробно исследует важные компоненты родинной обрядности и терминологии, непосредственно связанные с судьбой (послед, праздники по случаю рождения ребенка, ребенок в свадьбе др.), и детально анализирует ареальное распространение и вариативность этих компонентов у славян на Балканах.

Для написания диссертации использовалась литература, являющаяся смежной по отношению к работам по родинам. Это монография Е.Крыстевой-Благоевой о принципах имянаречения в этнографической традиции болгар (*Е.Кръстева-Благоева*. Личното име в българската традиция. София, 1999); книги, в которых представлен анализ новейших тенденций имянаречения у болгар (*П. Банкова*. По името го познаха. Етноконфесионални аспекти на личното име в България. София, 2005; *Н.Иванова, П.Радева*. Имената на българите. Велико Търново, 2005, и др.).

По некоторым другим аспектам диссертации также имеются статьи и публикации, например, ряд работ, посвященный демонам судьбы (*Ив.Георгиева, У.Дукова, Е.Мицева, Е.И.Якушкина* и др.).

Концепту судьбы в традициях разных народов и в том числе у славян посвящен ряд публикаций, в частности сборник «Понятие судьбы в контексте разных культур». М., 1994. Народно-медицинские аспекты родин и мифологические аспекты заболеваний ребенка систематизированы в энциклопедии (Българска народна медицина / Ред. М.Георгиев. София, 1999). Отражение культа Богородицы в болгарском фольклоре и частично в родинах рассматривается в работах Цв. Вранской (Апокрифите за Богородица и българската народна песен // Списание на Българската академия на науките. София, 1940. Т. 18). В мировой науке работы по мариологии практически необозримы, для нашей темы самыми существенными представляются следующие: *Г.Федотов*. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991 [Репринт]; *J. Gelis*. History of Childbirth. Fertility, Pregnancy and Birth in Early Modern Europe. London, 1991; *F.Badalanova*. Notes on the Cult of Virgin Mary in Slavia Orthodoxa: the Interpretation of Folk and Christian Themes // Славянское и балканское языкознание. М., 2003, и др.

В России в последние десятилетия все больше лингвистов, этнографов, фольклористов, культурологов занимаются темой рождения ребенка в традиционном мире. Укажу несколько исследований, отражающих различные подходы к разрабатываемой в диссертации проблематике: *А.К.Байбурин*. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991; *Т.В.Листова*. Ребенок в русской семье. Рождение. Крещение. 2-я половина 19–20 вв. // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995; *Т.Ю.Власкина*. Родильно-крестильный обряд в комплексе репродуктивных представлений донского казачества // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2004. № 4. С. 16–26, и др.

Публикуются работы, которые основаны на полевых материалах, но с особым вниманием к современному преломлению традиционных воззрений: *Е.А.Белюсова*. «Водные дети»: представления о новорожденном в субкультуре движения за «естественные роды» // Кодови словенских култура. Деца. 2002. С. 222-240; *В.Е.Добровольская*. Суеверия родильно-крестильного комплекса в мировоз-

зрении современного горожанина //Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 36–46 и др. Подобного рода исследования начинают появляться и в болгарской этнолингвистике, особенно в ономастике.

Этнолингвистические данные, в том числе и по родинам, публикуются в российских журналах «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Традиционная культура» и др.; в болгарских «Българска етнология», «Български фолклор» и др. Создаются компьютерные базы данных, включающие уже собранные и вновь поступающие материалы (Полесский архив, Карпатский архив – Институт славяноведения РАН, Каргопольский архив РГГУ, основанный на материалах экспедиций под руководством А.Б.Мороза и др.). Выходят отдельные сборники полевых материалов по магии и мифологии – авторские (*Г.М.Науменко. Этнография детства. М., 1998*) и коллективные (Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001), этнодиалектные (Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь / Отв. ред. И. А. Морозов. М., 1997) и этноидеографические словари (Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000. Вып. 3).

Эта литература, как и более ранние издания, относящиеся к XIX–XX вв., дают богатый материал для сопоставительного анализа и изучения специфики болгарских родин в свете балканистических исследований.

Балканистическая составляющая диссертационной проблематики предполагала работу со многими исследованиями и источниками. Поисками специфики языков и культур народов Балканского полуострова уже на протяжении нескольких десятилетий занимаются лингвисты, культурологи, этнографы и фольклористы. С тех пор как в научный оборот был введен обобщающий термин «языковой союз», а позже, вслед за Н.С.Трубецким и К.Сандфельдом, и «балканский языковой союз», усилия ученых были направлены на выявление общих явлений в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике балканских языков (работы А.В. Десницкой, Т.М.Николаевой, Т.В. Цивьян и др.).

Несмотря на то что в ряде работ оспаривается понятие «балканский языковой союз», равно как и сама научная дисциплина «балканистика», тем не менее наличие в болгарском, македонском, румынском, греческом, сербском, албанском и в малых языках Балкан целого ряда структурно-тождественных черт, а также специфику балканской языковой и этнокультурной ситуации, в том числе в родинных текстах, невозможно ни отрицать, ни игнорировать. Более того, БЯС, по мнению ученых, – это явление живое, развивающееся, динамичное, с очевидными признаками непрекращающейся конвергенции. Как отметила Т.М.Николаева, сопоставляя славистические и балканистические штудии, «славистика обращена в прошлое, а балканистика – в будущее» (Т.М.Николаева. Татьяна Владимировна Цивьян – балканист // Балканские чтения 9. Terra Balkanica. Terra Slavica. К юбилею Т.В.Цивьян. М., 2007. С. 9).

Для нашего исследования важно то, что за формальным сходством языковых фактов стоит нечто более емкое и глубокое, находящее выражение в универсальных для балканцев фрагментах народной культуры и духовной традиции, – особая, балканская модель мира (БММ). Мысли о существовании такой модели, высказанные Т.В.Цивьян (Т.В.Цивьян. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990; 2005, 2-е изд.), нашли поддержку в работах по балканистике (Д.Буркхарт, Г.Шуберт, У.Дукова, П.Асенова и мн. др.), а проблематика «язык и культура балканцев» заняла прочные позиции в филологии и шире – в гуманитарных науках. Но еще до утверждения идеи об особой балканской ментальности лингвокультурную общность народов Балканского полуострова, сходство (до идентичности) мифологических представлений балканцев и отдельно болгарско-греческие, албанско-румынские этнографические и иные параллели описывали многие исследователи (Б. Цонев; М. Арнаудов, Хр. Вакарелски и др.).

Причины схождения и появления балканизмов (в сфере грамматики и лексики в главных чертах их сформулировал еще К.Сандфельд (K.Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1930)) относят или к древнейшим временам, говоря о субстрате, об античных корнях, или к Средневековью и Новому времени, обозначая

роль турецкого (османского) влияния. Особое место в подобных работах отводится контактологии как междисциплинарной науке, без которой изучать Балканы было бы неверным и невозможным. Так, М. Выгленов описывает ситуацию в северо-восточной Болгарии, где фиксируется много заимствований из румынского, не имеющих соответствий в других говорах болгарского языка, — это румынские формулы этикета и другие устойчивые выражения (*М. Выгленов. Някои румънски думи в наши говори // Български език. София, 1974. № 5. С. 431–433*). Ал. Т.-Балан отметил, что в родопских говорах много грецизмов, не известных другим диалектам болгарского языка (*Ал. Т.-Балан. Нещо за гръцките заемки в български език // Език и литература. София, 1947. № 2. С. 23–27*).

Балканославянские языки в силу своего положения и исторического развития отличаются большим количеством заимствований именно в лексических системах. Это считается одним из самых существенных проявлений принадлежности к балканскому языковому союзу. Как и в других языковых союзах, во всех языках БЯС велика доля общих «культурных» слов, что отмечено Н.С.Трубецким (*N.S. Trubetzkoy. Proposition 16 // Actes du Premier Congrès International des Linguistes. Haye, 1928. P. 18*), добавим к этому — особенно слов народно-культурных, причем не только терминов, но и фразеологизмов, словесных формул, приветствий и других клише.

Серьезным подспорьем в работе над диссертацией стали исследования и публикации, выполненные в рамках подготовки Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ). Работа в экспедициях, обмен опытом на конференциях, издания материалов и карт (*А.Н. Соболев. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg/Lahn, 2001*; *Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск / Ред. А.Н. Соболев. München, 2003*; *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том 1. Лексика духовной культуры / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005*; *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 2. Человек. Семья / Ред. А.Н. Соболев. München, 2006*) способствовали уяснению «балканскости» болгарских родин и ме-

ста болгарского материала в балканском лингвокультурном макроконтексте. Здесь же отметим важность материалов из разных ареалов Балканского полуострова, собранных по «Этнолингвистической программе МДАБЯ» А.А. Плотниковой (М., 1996) и опубликованных в сборниках по диалектологии (Исследования по славянской диалектологии. М., 2001, 2004, 2006).

При работе над диссертацией использовались различные **источники**. Целостная картина родинного текста воссоздается лишь с привлечением множества сведений, традиционно использующихся в этнолингвистических, культурно-семантических, семиотических и других исследованиях. Прежде всего, собирались языковые данные – лексика, особенно диалектная; фразеология и паремиология. Большой охват редких региональных этнолингвистических сведений позволяет сделать более точные выводы. Тщательная эксцерпция была проведена из диалектных словарей (здесь по объему сведений лингвокультурного характера выделяются диалектные словари Н.В.Котовой, М.Сл.Младенова, Ст. Стойчева и др.) болгарского и других славянских языков, словарей фразеологических, этимологических, словарей иностранных слов. Важнейшее место среди эмпирических данных занимают архивные материалы, и я благодарю болгарских коллег, которые предоставили в мое распоряжение картотеку Идеографического словаря диалектной лексики (ИДР), хранящуюся в Софийском университете. Лингвистические сведения систематизированы в диссертации в идеографических индексах «Некрещенные дети», «Очистительная молитва матери» и др., кроме того, по данным некоторых лексико-семантических групп или отдельных терминов составлены карты (Карта 4. «Терминология роженицы»; на карте 8 изображено распространение терминологии родинных обрядовых типа «Богородичен хляб» и др.).

При написании главы об имени и принципах имянаречения использовались словари болгарских и македонских личных имен (*Г.Вайганд*. Българските собствени имена. Произход и значението. София, 1926; *Й.Заимов*. Български именник. София, 1988; *Ст.Илчев*. Речник на личните и фамилни имена у българите. София,

1969; *Н.Ковачев*. Честотно-етимологичен речник на личните имена. Велико Търново, 1995; *В.Дрвошанов*. Речник на лични имиња. Скопје, 1995, и др.). Поскольку тема имянаречения в болгарском обществе активно обсуждается в СМИ, я использовала интернет-ресурсы, которые содержат богатый материал: современные интерпретации и индивидуальные истории имен; коллизии при выборе имени для младенца; мнения о связи имени и судьбы. Кроме того, в болгарском Интернете публикуются современные антропонимиконы, которые представляют собой не только списки имен, но и попытки этимологии, а также дают рекомендации по выбору даты и церковного «повода» для празднования именин.

Важным источником для сбора и классификации лингвокультурных сведений послужили этнографические описания родинных обрядов Болгарии. В подобных источниках содержатся не только описания обрядов, но и терминология, нарративы, иногда публикуются локальные материалы (в серии «Региональные исследования», в периодических изданиях «Сборник за народни умотворения», София. Т. 1–, София, 1889–). Особую ценность имеют данные архива Ст.Романского (материалы хранятся в Библиотеке Софийского университета им. св. Климента Охридского, София, Болгария), которые впервые анализируются так комплексно и разносторонне. Сведения собирали в 30–40-е гг. XX в. студенты семинара по этнографии Ст.Романского, работая по составленному им вопроснику для описания духовной культуры болгарских сел. Эти данные представляют синхронный срез болгарской традиционной культуры, они значительно расширили эмпирическую базу диссертации и, кроме того, дали основания для выявления тенденций развития родинного текста в Болгарии и ареального распространения его лингвокультурных компонентов.

При работе над диссертацией исследовались фольклорные тексты, как краткие словесные формулы (*М.Дабева*. Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934; *М.Дабева*. Пожелания и благословия у българския народ. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1937; *П.Р.Славейков*. Български притчи или

пословицы и характерни думи. София, 1972, и др.), так и песни, баллады, сказки.

Собственные экспедиционные записи в болгарских селах Варненской, Ловечской, Добричской и других областей, а также среди диаспоры в селе Кирсово (Молдавия), которые проводились в конце XX – начале XXI в., значительно расширили диапазон исследования. В ходе проводившихся интервью мы имели возможность не только зафиксировать обряды по специальным вопросам (например, о рождении в субботу и др.) и обсудить набор ключевых лингвокультурных компонентов родин, но и уточнить некоторые неясные моменты и подтвердить или опровергнуть предварительные выводы (о генезисе судьбы, об ипостасях мифологических персонажей, о причинах рождения детей с аномалиями и пр.). Записи последних лет демонстрируют устойчивость и продуктивность ключевых архаичных идей родинного текста, что в диссертации рассматривается на примере представлений об удаче, о символике имени ребенка и пр.

Теоретические и методологические основы исследования. В междисциплинарных работах, подобных реферируемой диссертации, применяются методы различных областей лингвистики и других гуманитарных наук. Научный инструментарий книги сочетает в себе методику нескольких научных школ и направлений и прежде всего этнолингвистическую. Московская этнолингвистическая школа Н.И. и С.М.Толстых за нескольких десятков лет своего существования выработала теоретические принципы и методологические подходы, которые не теряют актуальности (кроме известных работ основоположников школы, отметим несколько монографий и сборников в русле этого направления: *А.В.Гура*. Символика животных в славянской народной культуре. М., 1997; *Т.А.Агапкина*. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весеннее-летний цикл. М., 2002; Концепт движения в языке и культуре. М., 1996; Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999; Признаковое пространство культуры. М., 2002, и др.).

Разделом этнолингвистики является ареальное изучение лингвокультурных фактов. Эта методика имеет давние традиции в русской, славянской и европейской лингвистической традициях и успешно применяется в картографировании фактов этнографии и духовной культуры (Хр.Вакарелски, Н.И.Толстой, А.А.Плотникова и др.).

В диссертации показаны различные возможности этнолингвистического и семиотического анализа основ родинного текста: через одно ключевое слово (*късмет*), через фразеологизмы, через систему мифологических персонажей (*орисници*), через структуру обряда и праздника, через культурные коды и др. Это обусловлено самим способом бытования народной культуры и ее отдельных сфер: переходом одного представления в другое, «перетеканием» и смычкой фольклорных жанров, бытованием одного мотива в форме поверья, запрета, рекомендации или былички.

Для южнославянских (и особенно болгарского как члена БЯС) языков актуальными являются этимологические изыскания российских и зарубежных ученых: О.Н.Трубачева, Ж.Ж.Варбот, Л.Н.Куркиной, Вяч.Вс.Иванова, Т.В.Гамкрелидзе, Т.В.Горячевой, В.И.Георгиева, Э.Бенвениста, Р.Бернара и др. Отметим близкую по тематике и направленности монографию А.Ф.Журавлева «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н.Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”» (М., 2005), в которой пересматриваются многие этимологии в этнолингвистическом и лингвокультурологическом ракурсе.

В процессе выявления семантических основ родинного текста и их интерпретации я следовала также теоретическим положениям Московского семиотического круга, участники которого создали и утвердили традицию изучения языка и культуры в их нераздельном знаковом единстве. Для исследования особое значение имели работы, написанные на балканском материале В.Н.Топоровым, Вяч.Вс.Ивановым, Т.М.Николаевой, Т.В.Цивьян и Т.Н.Свешниковой (см.: Из работ Московского семиотического круга. М., 1997). Болгарский материал вобрал в себя несколько пластов – и славянский, и балканский, что позволяет раскрыть обозначенную в загла-

вии тему шире и подробнее, применяя структурно-типологические методы.

Близкими моей работе являются теоретические и методологические постулаты школы Логического анализа языка Н.Д.Арутюновой и особенно положение об антропоцентричной модели языка и культуры, пронизывающее этот круг исследований. Столь же важным для работы с методологической точки зрения представляется методология и теоретические принципы культурной семантики (в духе работ С.М.Толстой и Н.И.Толстого, А.Вежбицкой, Е.Л.Березович и др.). В болгарском словаре родин выявляются частотные и значимые для духовной традиции лексические основы и их дериваты, коррелирующие с этнографическими и фольклорными текстами, которые в диссертации анализируются с точки зрения культурной семантики.

Теоретическая и методологическая база балканистических исследований – еще одна важная составляющая диссертационного труда. В этом плане также важны теоретические и методологические принципы лингвистической географии заимствований, что составляет предмет анализа лингвистов XX–XXI вв. (работы Ал.Т.-Балана, М. Сл. Младенова, Г. П. Клепиковой, А. Х. Гирфановой, Н. Л. Сухачева, Д. Младеновой, О.М. Младеновой, А. Н. Соболева и др.) и является продуктивным направлением балканистики.

Цели и задачи исследования заключаются в выявлении лингвокультурных основ и особенностей родинного текста болгар в общеславянском и балканском контексте. Поскольку одной из доминант родинного текста мы считаем представление о магической связи рождения и судьбы, важной задачей является охарактеризовать устойчивость и в то же время вариативность этой связи в лексике, фразеологии, нарративах, обрядах. За этим представлением стоит ряд концептов и понятий (жизнь, норма, удача, здоровье, благополучие и др.), конкретизация, валоризация и релевантность которых в народной традиции различаются.

К задачам диссертации относятся: на базе максимально детализированного описания родинного текста болгар выделить и интерпретировать ключевые идеи и концепты; проанализировать ро-

динную и «околородинную» терминологию и фразеологию; исследовать проблему «имя и судьба»; дать классификацию речевых фольклорных жанров, задействованных в родинах. К важным задачам относится характеристика представлений о демонах судьбы с всесторонним анализом терминологии, степени контаминации с другими мифологическими персонажами.

Одной из существенных задач работы мы считаем выявление специфических сюжетных моментов, которые составляют основы родин и при этом характеризуют болгарскую народную картину миру в целом. Так, яркая черта болгарской терминологии родин – наличие множества лингвокультурных заимствований, применимых и вне текста рождения. Фиксация соответствующего лексического материала в широком контексте народной культуры и географическая атрибуция терминологии подготавливает материал для будущих исследований процесса «балканизации» болгарского языка и специфики проникновения в него заимствований.

Отдельного внимания заслуживает проблема связи рождения человека и его судьбы, жизненного пути, представленная в родинном тексте эксплицитно и имплицитно. Эта тема в ее болгарской версии также имеет балканскую специфику. Традиционные славянские «параметры» судьбы в ее болгарской интерпретации приобретают балканские измерения (см. *орисници*, *късмет*, ритуалы *клинене*, *заложки* и др.), описание которых также входит в задачи исследования.

Изучение ареального распределения терминов, реалий, содержания и приуроченности обрядовых актов – еще одна задача диссертации.

Объектом исследования служит родинная обрядность болгар как сложный, синкретический текст, равноценный многоуровневому произведению, со множеством взаимосвязанных мотивов, получающих разнообразное воплощение (лексическое, идиоматическое, фольклорное, мифопоэтическое, этнографическое и др.). Текст как семиотическое явление всегда логически завершен и имеет смысловую целостность. Применительно же к родинам можно говорить о цикличности текста, где в начале жизни (в рожде-

нии) уже заложены и конец (смерть, гибель), и в то же время новое рождение (через матримониальные и репродуктивные мотивы).

Предмет исследования мы видим в тщательном многоплановом анализе болгарских родин с особым вниманием к его лингвокультурным основам. Синкретизм родинного текста требует подробнейшего изучения терминологии, концептов, демонологических и народно-православных воззрений, народно-медицинской практики, обрядовых комплексов и полуритуализованного обращения с младенцем. Только такой комплексный подход к предмету позволяет дифференцировать ключевые лингвокультурные идеи родин и исследовать их воплощение и кодирование в лексике, фольклоре и обрядности.

Новизна исследования состоит в рассмотрении родинного текста болгар как единого целого, в котором параллельно сосуществуют, переплетаются и контаминируются идеи жизни и смерти, рождения и судьбы, необходимости прохождения человеком определенных этапов, социализации и правильного физического развития и пр. Особое внимание при анализе уделяется времени (и шире – хронотопа), обязательности прохождения важных периодов, пересечения «границ» без повтора и возвращения назад. Впервые подробно изучается ряд компонентов родинного текста – ритуально-этикетные акты оповещения, приглашения, поздравления; языковой портрет взрослого человека через призму обрядов родин и др. В болгарском родинном тексте эксплицитно выражены мотивы, которые известны в иных балканских традициях (отмеченность «субботнего» человека, символика вторника, поверья о присутствии Богородицы в момент родов и пр.), но не известны или не получают такого распространения у славян (именования ребенка до крещения особыми именами-кличками, вера в демонов судьбы и пр.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Болгарский родинный текст представляет собой хорошо сохранившийся фрагмент архаической картины мира, позволяющий реконструировать ключевые идеи родин как переходного обряда.

2. Для родинного текста характерен синкретизм, родины – это комплекс разноплановых явлений, которые соотносятся с событиями взрослой жизни человека.
3. Терминология и поверья родин («субботный» человек; внебрачный ребенок; близнецы; «одномесечники» и пр.) в традиционной культуре маркируют человека с младенчества, обозначая его «физиологическую» и «социальную» судьбу (по терминологии С.С.Аверинцева).
4. Рождение и судьба в их магической связи являются лингвокультурной доминантой родинного текста.
5. Родинный текст с точки зрения лексики, фольклора и обрядности – открытая, но ограниченная стабильным набором кодов система представлений, ритуалов, обрядовых практик.
6. Болгарские родины включают в себя ряд ярких балканизмов и отражают специфические черты балканской модели мира.
7. Наряду с балканскими особенностями словарь болгарских родин содержит общеславянские компоненты, часть которых формально и/или семантически близка церковнославянской лексике, а также соотносится с отдаленными славянскими диалектами (например, севернорусскими).
8. Наиболее устойчивыми лингвокультурными идеями являются те, что находят регулярное выражение в терминологии и фразеологии родинного текста.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Содержащиеся в работе теоретические положения в рамках темы «язык и культура» и классификация эмпирических данных родинного текста болгар могут послужить базой для сравнения с другими славянскими и балканскими традициями. Перспективным представляется использование выводов и материалов диссертации при разработке идентичных проблем в народных традициях в более широких географических зонах, особенно средиземноморских, куда, как показывает анализ, ведут изоглоссы и изопрагмы.

Результаты исследования находят отражение в словарях и энциклопедиях по народной культуре и мифологии славян. Опубли-

кованы статьи в энциклопедии «Славянская мифология» (М., 2002; статьи: «Мельница», «Орисницы», «Повитуха» и др.); в совместной российско-сербской энциклопедии «Словенска митологија» (Београд, 2001; статьи: «Дете», «Клетва», «Старац» и др.). В продолжающееся издание этнолингвистической энциклопедии «Славянские древности» (т. 1-3, М., 1995, 1999, 2004; т. 4 в печати) вошли статьи «Бабин день» (соавт. Э.И.Зеленина), «Булочка» (соавт. С.М.Толстая), «Купание младенца», «Младенец» (соавт. Г.И.Кабакова), «Назад», «Оповещение», «Пеленки», «Обрядовый путь», «Пострижины», «Приглашать», «Приветствия», «Проклятые», «Прощание», «Родимое пятно» и др.

Исследование лингвокультурных основ родинного текста болгар, осуществленное в диссертации, позволяет выявить в современных языковых и народно-религиозных, обрядовых и фольклорных (постфольклорных) фактах архаические модели, которые служат базой для трансляции и воссоздания традиционной культуры, ее переосмысления или даже изобретения (ср. актуальное в фольклористике, антропологии, религиоведении и культурологии направление, изучающее явления наподобие «*inventing of the tradition*» R.Stark, W.S Bainbridge, С.Ю.Неклюдов, А.А.Панченко, А.Ф.Белоусов и др.). В исследовании намечен выход на дальнейшую работу – вычленение и описание ключевых концептов болгарского языка в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими языками («судьба», «доля», «удача», «знак» и др.), исследование повтора как одной из важнейших семантических моделей языка и культуры и др.

Апробация исследования. Работа была обсуждена в Отделе типологии и сравнительного языкознания. Результаты исследования излагались на международных и российских конгрессах, конференциях и симпозиумах. По теме диссертации были сделаны доклады на VII и IX Международных конгрессах по изучению стран Юго-Восточной Европы (Салоники, 1994; Тирана, 2004), на XII и XIII Международных съездах славистов (Краков, 1998; Любляна, 2003), на Конгрессе балканистов США (Индиана, 1994), на Балканских чтениях (Москва, 1999, 2001, 2005, 2007), на Тол-

стовских чтениях (Москва, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2006), на круглом столе РГГУ «Дети, родины, повитухи» (Москва, 1998), на совещаниях по составлению Малого диалектологического атласа балканских языков (Санкт-Петербург, 1997, 1998, 2000) и др. Благодаря междисциплинарности исследования некоторые его фрагменты обсуждались на научных встречах специалистов разных гуманитарных областей: на международных симпозиумах по народной религиозности (Португалия, 1996; Шотландия, 2002); на конференциях по календарной обрядности (Швеция, 2006); на конференции по полевым методам фольклористики (Эстония, 2001) и др.

Основные положения диссертации опубликованы в виде монографии и научных статей и тезисов в сборниках и журналах России, Украины, Эстонии, Болгарии, Сербии, Польши, Греции, Албании, США, Швеции, Италии, Португалии и др. Материалы диссертации использовались при чтении спецкурса «Народная культура болгар» на переводческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (2000), в лекциях на отделении балканистики филологического факультета Софийского университета (2003), факультета гуманитарных наук Шуменского университета (2005) и др.

Основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, пяти частей (четырнадцать глав), Заключения, списка литературы и источников и двух приложений (I. Болгарский родинный обряд в современных записях, II. Карты).

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, подробно описывается степень изученности проблемы. Значительное место уделяется теоретическим и методологическим основам исследования, формулированию его целей и задач, отмечается новизна работы и описывается ее апробация.

Внимание акцентируется на характеристике балканских компонентов в родинном тексте и – шире – в народной культуре болгар и ее словаре, для которых характерны: центральное положение в обрядовом тексте; соединение «своего» и «чужого»; широкая география; наличие изоглосс и изопрагм, соединяющих разные балканские земли или, наоборот, концентрирующихся в значительной степени в одном ареале. Здесь же обосновывается и объясняется использование термина «мотив» для обозначения ряда лингвокультурных аспектов родин. Называние подобных явлений «мотивами» наиболее точно отражает смысл и цель настоящего исследования. Комплексность материала не позволяет анализировать только лексику, только систему воззрений, только фольклорные данные и т.д., а требует учитывать субстанционально разные сведения в их совокупности.

Мотив обладает именно теми характеристиками, которые применимы для описания лингвокультурных явлений. В понятии мотива даже как музыковедческого, искусствоведческого и фольклорного термина заложены существенные для нашей работы компоненты: это простейшая единица, составная часть мелодии, сюжета, текста с выраженным логическим акцентом; характерный, постоянно используемый элемент текста. Кроме того, мотив, как известно из определения А.Н.Веселовского, используется для реконструкции исходного текста и для сравнения его вариантов. В более широком смысле мотив может охватывать простейшие единицы в совокупности форм их содержания и выражения, соединяя представление, поверье, словесные единицы и обрядовые факты. В нашем исследовании термин «мотив» используется и в традиционном значении, например «мотив сбывшегося материнского проклятия».

Отмечается также особая восприимчивость болгарской народной культуры к укоренению и освоению заимствований и балканизмов. В зависимости от контекста употребления «не свое», неславянское может становиться «своим», то есть полностью ассимилироваться и вытеснять славянские эквиваленты на периферию (ср. *късмет*, *орисия* ‘судьба, удача’, *лехуса* ‘роженица’, *нишан*

‘знак’ и др.). В подобных случаях заимствование подвергается народной этимологизации и становится источником для возникновения целых ритуальных комплексов, например календарной магии (см.: *Н.И.Толстой, С.М.Толстая. Народная этимология и этимологическая магия // Н.И.Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; Р.Попов. Народная этимология и культ святых // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004, и др.*).

«Не свое» слово может оставаться «чужим» и использоваться для передачи семантики «инородного», «нечеловеческого», «природного», не заменяя собой славянские синонимы (ср. многочисленные наименования некрещеных младенцев), а может трансформироваться и уподобляться болгарскому слову, обрастать славянскими аффиксами (ср. *нефела* ‘нехорошо’, *чифутин* ‘еврей’ и др.).

Укоренение заимствований поддерживается общей балканской ситуацией. Так, ранние тюркизмы подкреплялись позднейшим османо-турецким влиянием, в новейшее время использованию турцизмов в активе диалектных словарей способствует балканский би- и полилингвизм, в том числе и на территории Болгарии.

Часть балканизмов связывает болгарскую территорию с карпатским ареалом, например термин *копиле*, поверья об опасности повторного кормления грудью младенца, уже отнятого от груди, и др. (о балканско-карпатской проблематике писали С.Б. Бернштейн; Г.П.Клепикова; В.Ф.Усачева; см. также публикации ОКДА и др.).

Можно говорить и о средиземноморском макроконтексте для ряда балканизмов. Материал родин демонстрирует общие для болгар и средиземноморских народов мифологические воззрения на вторник (несмотря на отсутствие прозрачной формы слова в неславянских языках), ряд итализмов в словаре болгарского языка и т.д.

Болгарская лексика ставит перед исследователями вопрос о специфике южнославянского словарного состава в рамках славянской языковой семьи. В болгарской родинной терминологии встречаются лексемы, семантика которых поддерживается южнославянскими диалектами, но в восточнославянских языках она известна только в церковнославянском узусе (*трудна* ‘беременная’ и др.).

Проблема, которую сформулировала Л.В.Куркина, анализируя генетические истоки южнославянских диалектов, оказывается актуальной и для нашего исследования. В частности, обозначенный исследовательницей критерий «наличия или отсутствия сепаратных связей с севернославянскими языками» для установления генезиса славянских языков поддерживается данными словаря народной культуры болгар (ср. болг. *викам* 'звать, приглашать' имеет соответствие в северных диалектах русского языка, ср. также *каня* 'приглашать' как южнославянский диалектизм и др.):

Таким образом, при изучении «своего» и «чужого» в родном тексте болгар исследователь постоянно сталкивается с тем, что языковые и этнографические заимствования переплетаются со славянской архаикой, образуя сложную синкретическую структуру. Балканское у болгар – не обязательно неславянское, это могут быть южнославянские и и/или общеславянские компоненты, но если у других славян эти термин, мотив, семантика, поверье или ритуал находятся в редуцированной форме, то у болгар они получают статус обязательности и регулярности и нередко стыкуются со сферой заимствований, с «чужим». В этом проявляется удивительное свойство болгарского языка в плане отбора, освоения и развития «чужого», вплоть до его полной ассимиляции и частичного смешения с архаическими славянскими языковыми и культурными фактами. Очевидно, это одна из черт *homo balkanicus*, который «исходил из признания таких антитетических идей, как стабильное и изменяющееся, архаизм и инновация, свое и чужое (или, модернизируя, *я и другой*)» (В.Н. Топоров. Балканский макроконтекст и древнебалканская энеонеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30 августа – 6 сентября 1989 г.: Лингвистика. М., 1989. С. 14).

В I части диссертации, самой обширной, «Языковые константы родин» акцент делается на анализе языковых фактов, которые включены в экстралингвистический этнокультурный контекст.

В первой главе I части «Лексика и фразеология родинного текста» исследуется «недифференцированный» словарь болгарских родин, охватывающий разные понятийные сферы и относящийся ко многим фрагментам традиционной культуры. Лексика родин практически необъятна, она включает в себя немало тематических групп, которые, в свою очередь, входят в смежные лексические группы. Родинные термины коррелируют со свадебными и похоронными, календарными, народно-медицинскими (послед, заболевания роженицы и младенца), демонологическими (сглаз; демоны судьбы; духи болезней, которые представляют опасность для матери и ребенка), православными (иногда в их народно-бытовой форме) и другими терминами.

Семантическим центром терминосистемы родин с точки зрения субъектно-объектных отношений является женщина и то, что с ней (вокруг нее) происходит; после родов обозначается еще один центр — младенец и то, что с ним связано. В ЛСГ «Женщина» кроме крупных подгрупп ('беременная', 'роженица') выделяются небольшие, но существенные подгруппы терминов 'бесплодная', 'родившая вне брака', 'родившая первенца', 'родившая близнецов' и др. Ребенок также получает терминологическое обозначение в зависимости от обстоятельств его рождения: 'внебрачный', 'появившийся на свет после смерти отца', 'родившийся в рубашке', 'первый', 'последний' и др. Терминологизуется и система персонажей и участников родин (повитуха, крестные, кормилица, приглашающие на праздники и др.). Специальной лексикой обозначаются магические акты; обрядовые и повседневные, полуритуализованные действия; предметы; праздничные комплексы и др.

В главе рассматриваются терминология различных аспектов родин в их хронологии (от зачатия до ритуалов социализации младенца); базовый концепт *късмет* 'счастье' в его многозначности и соотносительности с лексикой судьбы и везения; обозначения 'родимого пятна' и — шире — 'знака, метки, следа' (*белег, нишан* и их многочисленные синонимы для обозначения человека «отмеченного»: *белязан, симьосан, лекьосан, дамгосан* и др.). Отдельные этюды посвя-

щены «околородинной» оценочной и мифологической лексике (*нефела*) и фразеологии, преимущественно узкодиалектной.

Важная черта терминосистемы, подмеченная всеми этнолингвистами, – максимальное использование одной основы для обозначения различных компонентов обрядов – наблюдается и в словаре родин. Это правило распространяется и на славянскую, и на заимствованную лексику. Так, например, типичен перенос названия угощения (обрядового хлеба) на ритуал (*питы, погача, турта, смидаль* ‘хлеб, лепешка; родины, празднование на третий день после рождения ребенка’; *процьпалник* ‘хлеб по случаю первых шагов ребенка и праздник по этому поводу’ и др.). Термин *лехуса* и его дериваты обозначают роженицу, демонов болезни, осложнения после родов, младенца, лекарственную траву и т.п. (см. Индекс «Термин *лехуса* и его варианты»).

Обрядовый термин связан не с одним коррелятом, а с целым фрагментом народной культуры (от слова – через действие и его мотивировку – к быличке, нарративу, а иногда и в обратном порядке). За словом стоит сумма представлений в их локальной вариативности, при этом комбинации термина и его значения с точки зрения их генезиса могут быть различными: балканское слово служит названием общеславянского (и шире – европейского) ритуала и, наоборот, славянский термин обозначает балканский ритуал.

Так, балканские магические действия, приуроченные к рождению ребенка, обозначаются общеславянской лексемой, но их интерпретация включает в себя заимствования или целиком строится на неславянской (балканской) терминологии. Например, обязательное соление младенца после рождения описывается славянской лексикой: *детето се насолява* «ребенка солят», *натрива се със сол* «натирают солью» и др., однако мотивируется этот акт преимущественно неславянской лексикой *да не миреше на* (*цифутин, турчин*) «чтобы не пах (евреем, турком и др.)». Глагол *миреша* ‘пахнуть, вонять’ – «хрестоматийный» балканизм, заимствован из греческого (μυρίσσω ‘пахнуть, благоухать, вонять’ в его аористной форме). Здесь мы встречаемся с чрезвычайно важной балканистической проблемой, лишь намеченной выше: о времени заим-

ствования. Глагол *мириша*, согласно этимологическому словарю болгарского языка, заимствован из древнегреческого; М.Филипова-Байрова же полагает, что из новогреческого (Български етимологичен речник. Т. 4. С. 117). Формально этот глагол не различается в древне- и новогреческом, однако тот факт, что *мириша* встречается в церковнославянском, свидетельствует скорее всего о более раннем проникновении лексемы в болгарский, ср. также заимствования однокоренных слов в румынский (устар. *mirezma*, *mirizmă*; *înmiresmat* ‘пахучий’) и арумунский (*n'urizmă*) ‘запах, благоухание’ которые соотносят со среднегреческим языком. Это значение поддерживается однокоренным *миро* ‘благовонное масло для совершения церковных обрядов. *Чифутин* возводится этимологами к *čafud* <*džafud* (из др.-евр. *yehud*-).

Другой типично балканский акт – раздача (хлеба, фруктов и овощей, мяса, предметов быта и др.) – обязательный компонент многих обрядовых (календарных, похоронно-поминальных и др.) комплексов, в том числе и родинного (ср. в книге подробнее о раздаче-угощении «в честь Богородицы», при первых шагах ребенка и т.д.). Терминология раздачи включает в себя много словообразований, почти исключительно славянских, это дериваты основы *дав-*: *раздавам*, *раздавалка*, *раздавък*, *раздавачка* и др. Славянской лексикой описывается и цель действий: *раздавам за Света Богородица* «раздаю (хлеб) в честь Богородицы»; *раздавам за проходило дете* «раздаю (хлеб) по случаю первых шагов ребенка». Однако в локальных традициях в условиях языковых и этноконфессиональных контактов в говоры проникает турцизм в болгарском грамматическом оформлении, ср. родоп. *чонам* ‘раздавать и получать хлеб на помин души’; *чон'ово* ‘угощения, предлагаемые для раздачи’.

Еще один пример – обрядовый акт приглашения, входящий в состав родин, крестин (а также свадебного обрядового комплекса и некоторых других типично балканских праздников – *курбан*, *светец*, *служба* и др.). Терминология этого обряда образует междиалектный ряд балканских синонимов, представляющих интересную комбинацию генетически славянских и неславянских лексем с обя-

зательной семьей ‘звучание’: *викам*, *кликам*, *зова*, *калесвам*, *каня*, *рукам* и некоторые другие. Если болг. *зова* относится к общеславянской лексике, то *викам* ‘кричать, звать’ от *вик* ‘крик’ этимологи называют южнославянизмом, родственным глаголу *вия* ‘выть’ (ср. серб. *викати*, словен. *vikniti* ‘кричать’ и сев.-рус. *вякать*). Заимствование глагола *викам* и в албанский (*vikás, vikát*) позволяет говорить о балканском распространении этой лексемы. Глагол *каня* полисемантичен (кроме ‘приглашать’ он означает также ‘вознамериться, угрожать’) и считается праславянским диалектизмом: известен в семантических вариантах в серб. (*канити* ‘иметь намерение’), словен. (*kaniti* ‘вознамериться; угрожать’) и ст.-чеш. (*kaniti sě* ‘ласкать’) языках, макед. *кани*, *каниса* (диал.) ‘приглашать’. Благодаря балканским языковым контактам глагол проник в албанский (*kanos* ‘пугать, угрожать’). *Калесвам* относится к бесспорным грецизмам (греч. *καλέω*, аористная основа *καλέσ-*) и является одним из самых частотных глаголов со значением ‘приглашать’ в метаязыке обрядности болгар. Этот глагол и его дериваты зафиксированы в макед. *калеса* (*калезма*, *калезба*, *калесар*, *калесарка* и др.) и в сербских диалектах. Нельзя не упомянуть здесь и название обязательной для некоторых регионов Болгарии реалии для приглашения — фляги — *бъклица* (ср. и *бакличерница* ‘пестрая сумка, в которую кладут флягу с вином, зеленые ветки и цветы для приглашения на свадьбу’). Это уже романское заимствование (от итал. *boccale* ‘сосуд’ или фр. *bocal*), которое «по-балкански» дополняет длинный ряд синонимов — праславянских диалектизмов, грецизмов и т.д.

При анализе обрядовой лексики неизбежно встает вопрос терминологизации, о чем неоднократно писали Н. И. и С.М. Толстые. Проблема «наличия/отсутствия» обрядового термина вообще и/или его наличия лишь в малых локальных традициях возникает и при исследовании родинного текста. В нашем материале, например, концепт ‘знак’, в большинстве регионов Болгарии передающийся словами *белег* и *нишан* и их дериватами, иногда, тем не менее, не получает терминологического выражения, а называется гиперсинонимами или точным обозначением предмета (*гривна*

“браслет”, *изла*, то есть вещи, «знаки», которыми обмениваются кормящие матери при встрече, считающейся опасной, и в других ситуациях), это показано на карте 7. Подобный процесс отбора характерен и для народной фразеологии: отнюдь не все родинные представления отражены в виде паремий, при том что некоторые из них отличаются поразительной устойчивостью и масштабом охвата (например, рус. *В рубашке родился*, болг. *В риза роден*; болг. *Пътът ти е хвърлен във воденицата* букв. ‘Твою пуповину бросили на мельнице’, о болтуне и пр.).

Во фразеологии с обрядовыми или мифологическими аллюзиями присутствует двуплановость информации, при этом чаще эксплицируется лишь одна часть, передающая в обрядовом контексте не переносное, а прямое значение. То, что в контексте родинного цикла обрядов является условием (если X, то Y), в словесной формуле вне этнографического контекста трансформируется в причину и не упоминается. А следствие (или результат – как позитивный, так и негативный) во фразеологизме составляет его метафорическую, образную семантику, по формуле с перестановкой частей: «Y ← X <нарушение правила>». Например, у болгар бытует запрет пеленать ребенка в длинные пеленки или обвязывать его длинными лентами, иначе, когда он вырастет, не сможет жениться (выйти замуж) в положенное время. Фразеологизм же *С дълъг повои е повито* («Длинным свивальником обвязан») соотносится с тем, кто слишком долго не может вступить в брак, что объясняется нарушением запрета по обращению с младенцем.

Итак, важной особенностью подобных паремий является то, что они, отсылая к родинам, объясняют настоящее прошлым (←), уже имевшим место. Во фразеологизмах жизненные перипетии взрослого человека, события в его жизни и т. д. интерпретируются через обстоятельства его рождения и/или верное/неверное исполнение ритуальной практики. В контексте же родинных обрядов различные рекомендации и действия имеют противоположную векторную направленность (→), они устремлены в будущее и связаны с предсказанием, прогнозированием и моделированием жизненного пути и характера ребенка.

От узуса фразеологизма зависит модальность «вторичного», удаленного от «первичного», этнографического контекста. Клишированные речения, отражающие известные не только болгарам и балканцам представления о том, что «родившийся в рубашке» будет счастлив (у южных славян часто встречается уточнение – такой человек защищен от внезапной, «не своей» смерти, не погибнет от пули), могут строиться на точном знании обстоятельств рождения человека, ср. *Нали се роди с облаче или с кошуля, оно е късметлия* («Ведь он в рубашке родился, он счастливчик»). При отсутствии точных сведений чудесное спасение, удача и т.п. могут комментироваться сходным выражением с модальностью предположения *Като че ли с риза роден* («Будто в рубашке родился»). Высшая степень метафоризации и полное абстрагирование от конкретных сведений наблюдается в изолированной констатации факта везения или удачи при помощи соответствующего фразеологизма *С риза роден*.

Во второй главе I части повествуется об уникальном явлении в языке и народной культуре болгар — имени собственном и проблемах имянаречения. Балканская в своей основе система выбора имени, «игра» с его семантикой, перевод и неограниченное имятворчество, «выбор» дня именин в Болгарии — все эти вопросы приобретают особое звучание, становятся «общим местом» в модели мира, а их обсуждение составляет существенную часть как традиционной, так и современной коммуникации. В этой главе показывается, насколько актуальны и непоколебимы архаические модели выбора имени, и анализируются способы трансляции основ этого фрагмента родинного текста.

Многосоставность болгарского именника — результат не только и не столько творческого подхода к имени, сколько следствие других причин, в том числе толерантного отношения Церкви к крещению младенца именем-апеллятивом, которого нет в святцах; или трансформированным (иногда до неузнаваемости), переведенным, «осовремененным», сокращенным именем святого/святой (*Роза, Теменужска, Горана, Данка, Пешо, Донка, Милена, Миче, Славчо, Петър – Камен, Ирина – Мира* и мн. др.). Специфически-

ми можно считать и особо разработанные и распространенные на Балканах некоторые магические акты и поверья, связанные с прагматикой имени. Наличием «семантических» антропонимов объясняются столь развитые в балканославянских традициях «магическое» имянаречение и «ономастическая» магия (*Н.И.Толстой, С.М.Толстая. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1993*), а также сопоставление судеб и характеров тезок и наличие множества нарративов на эти темы. Ареалогия болгарских имен и географическая привязанность принципов выбора имени (в честь деда, бабушки; в честь крестных родителей и др.) также являются предметом нашего исследования. Глава заканчивается анализом празднования именин у болгар, который демонстрирует яркую специфику болгарской традиции на общеславянском фоне.

В третьей главе I части основное внимание уделяется речевым аспектам родин: анализируются оппозиции (говорение/ молчание, тишина; правда/ложь; сокрытие информации/оповещение и др.); вербальные формы этикета (приглашение и поздравление), словесные клише пожелательного характера и др. В центре этой главы находится прагматика: систематизируются характеристики «человека говорящего»; описывается моделирование правильной речи ребенка и др. Формулы речевого этикета болгар входят в общий балканский фонд (турцизмы, грецизмы), функционируя без перевода (ср. оберег от сглаза *Машалла!*) или в виде многочисленных калек.

Стереотипные фразы, клише находятся на пограничье между языковой единицей и фольклорным жанром – это приветствия, прощальные формулы, проклятья и благопожелания, приговоры и присловья. Встречаются в родинной обрядности и собственно фольклорные, более крупные жанры – заговоры и народные молитвы, исполняются сказки, песни, прибаутки и др. Некоторые обряды родин (например, крестины) – своего рода театрализованные представления, где у каждого участника есть своя роль и определенные реплики.

Подробно исследуются регламентация речевого поведения беременной (содержания ее высказываний, дикции, интонации и пр.) и ограничения на определенные типы коммуникации в семье, где есть младенец. Сербь, упоминая какое-либо блюдо при будущей матери, говорят: *Да те није жеља* («Пусть у тебя не возникнет желания»). Этикет распространяется не только на речь, но и на действия: человек, который несет еду или воду, должен угостить беременную. Й. Захариев, описывая этот обычай у болгар, отмечает, что его строго соблюдали турчанки в г. Кюстендил в конце XIX в. Возвращаясь из хлебопекарни со свежей выпечкой, они обязательно угощали всех женщин, встречающихся по пути, поскольку среди них могли оказаться беременные.

Широко распространенный у южных славян запрет беременной брать что-либо без спроса (так как, по поверьям, это вызывает появление на теле младенца уродливого пятна в форме украденного предмета) также связан с речевым поведением беременной: сорвав тайком ягоду или цветок, она произносит: *Ј знам* («Я знаю»), полагая, что «знак» не появится.

В главе обсуждаются разные аспекты веры в произнесенное слово – его созидательная и разрушительная силы. Речевые способности (читать молитвы, заговаривать и произносить благопожелания) – важнейший фактор при выборе повитухи, поскольку верят, что все ее слова сбываются. При повседневном обращении с грудным ребенком некоторые лексемы входят в разряд запрещенных, табу. Это зоонимы: болгары не рекомендуют называть младенца *жабче* («лягушонок»), *кученце* («песик»), поскольку он будет слабым и тощим, *мачка* («кошка») – в связи с опасностью возникновения детской болезни *мачетини*. Предпочтительнее обращения *агненце* («ягненок»), *пиленце* («цыпленок») и др. У восточных славян также не принято называть ребенка *жабою* (не будет расти или станет горбатым). Кроме этого, существует табу на произнесение некоторых слов в определенных обстоятельствах – в присутствии грудного ребенка не говорят о детских болезнях, не упоминают дьявола, не ругаются, не произносят проклятий. До 40-го дня младенца не называют по имени, опасаясь, кроме всего прочего, что он лишится сна.

В каждом из обрядовых комплексов встречаются специфические речевые жанры. Для родинной обрядности всех славян типичны словесные клише, которые произносит крестный (крестная), передавая младенца после крестин матери: 'Язычника взял, христианина даю'. Болгарам известны «балканские» версии этих приговоров. В качестве положительного члена специфических балканских оппозиций по вероисповеданию и национальности выступает этноним (скорее всего, передающий конфессиональную принадлежность) *българче*, а в качестве отрицательного – обозначение и по вере, и по национальности: *помаче, павликянче, турче, еврейче, циганче* и др. (болгарин (турок)-мусульманин, болгарин-католик, турок, еврей, цыганенок). Ср., например, слова крестного отца или крестной матери до и после крестильного обряда при передаче младенца на пороге дома: *Земам го кумице иврейче, та ти гу донем българче* («Беру его, кумушка, евреем, а принесу болгарином»); *Циганче го отнесох, ристиянче ти го донесох* («Цыганенком отнесла, христианином принесла»).

Важным жанром в болгарской народной речевой культуре в целом и для родин особенно являются благопожелания. Они сопровождают практически все акты родинного цикла, хотя порой являются факультативными, поскольку действие (или предмет) имплицитно передает магическую интенцию, не требуя словесной экспликации.

Крик в родинах получает разнородные семиотические и символические функции. Важной функцией громкого голоса является оповещение, ритуальное разглашение, следующее за сокрытием или умолчанием какой-либо информации, обычно пола и имени новорожденного: в Болгарии после крещения дети бегут по селу, выкрикивая имя младенца, которое до этого строго держалось в тайне. К прагматическим функциям крика относится и использование его для приглашения, созыва гостей на родины (ср. болгарский термин этого праздника *викане пита*, где *викам* 'кричать, приглашать').

II часть «Народно-концептуальные основы родин» включает несколько основополагающих родинных мотивов, репрезентирую-

ших представление о зависимости судьбы человека от обстоятельств его рождения. Эта часть раскрывает сложную и противоречивую картину восприятия и генезиса судьбы, типичную для носителя болгарской (балканской) традиции и отражающую фольклорную картину мира, фрагменты которой сохранились до наших дней.

В первой главе II части подробно анализируется концепт судьбы и его место в родинном тексте. Судьба традиционно рассматривается как жизненный путь и интерпретируется в пределах оппозиций норма/аномалия, счастье/несчастье, здоровье/болезнь, богатство/бедность и др. Важно заметить, что судьба во многих культурах, в том числе и славянской, коррелирует прежде всего со смертью, а также с болезнями и несчастьями – именно ранняя (трагическая) кончина предсказывается демонами судьбы при рождении ребенка; в обратном темпоральном направлении гибель объясняется судьбой, «написанной на роду (на родах)».

В диссертации мы анализируем судьбу как узкое понятие (собственно жизненный путь) и как широкое (свойства человека, его характер, умения, профессия, внешность и красота). Индивидуальным характеристикам в народных воззрениях придается судьбоносное значение. Особенно это относится к врожденным аномалиям (детям с разного рода физическими и психическими отклонениями), но, кроме того, входит в систему логических объяснений безбрачия, бездетности и пр.

Во второй главе II части вычленяются «виды» судьбы – «младенческая» и «взрослая», а также мужская и женская. Разграничение проводится на лингвистическом и этнографическом уровнях, но особенно ощутимо оно в фольклорных текстах. Многие действия, запреты и т.д. направлены на то, чтобы ребенок прежде всего выжил в младенчестве, – для этого и нужны составляющие его «младенческой» судьбы (нормальное рождение и развитие, здоровье, спокойствие и сон, достаточное количество пищи, грудного молока, и защищенность от демонов).

Мужской и женский жизненные пути (судьбы) различаются по признаку *внутренний/внешний*, указывающему соответствен-

но на пространство *внутри* и *вне* дома. Для женщины главными событиями являются замужество и материнство, обуславливающие ее уход из родного дома (ср. множество фразеологизмов, передающих универсальную идею: дочь – «чужая в своем доме, гостья»), тогда как для мужчины доминантой служит профессиональная реализация *внутри дома*.

Третья глава II части «Матримониальные и репродуктивные мотивы в родинах» посвящена будущей жизни ребенка в супружестве. Множество факторов соединяет родины и свадьбу, позволяя усмотреть в ритуалах, связанных с появлением ребенка на свет, его взрослую жизнь и вступление в брак. Помимо временных этапов, народных понятий о норме ритуальной жизни в ее согласованности с нормой повседневной жизни (обрядовые комплексы родин, крещения, первых шагов и др.) существенную роль играют и некоторые магические действия, приметы и верования, идентичные любовной магии. Эти действия основываются на народной этимологии акционального кода («просить», «желать», «плакать», «вертеться», «прилипнуть» и т. д.), нередко эксплицированных в переносном значении глаголов 'любить, быть влюбленным'. Моделируются также позитивные обстоятельства сватовства и свадьбы: «однократно», «быстро», «удачно», «недалеко», «незаметно», «без повторов» и др.

В родинах намечается «перескакивание» через один шаг во взрослой жизни ребенка — через вступление в брак – к рождению детей. Мотив репродуктивности вписан в родинную обрядность, он реализуется вместе с брачными идеями (как воплощение формулы нормы «ребенок в семье») и независимо от них (как фертильность, способность к деторождению). Согласно представлениям о норме, ребенок должен родиться в семье, после венчания молодых. Если же младенец появляется на свет до замужества, вне брака, при долгом отсутствии мужа или же у вдовы, это определяет судьбу матери, ее родных, всего рода, села.

Кроме стремления предотвратить в будущем появление ребенка вне брака в родинах программируется обязательное рождение детей, но уже в семье. Сравнительный анализ имеющихся данных

из разных областей Славии подтверждает, что за универсальным воззрением на деторождение как на основную цель брака и естественное, природное предназначение женщины (супругов) в каждой традиции стоит уникальный комплекс терминологических обозначений, поверий, обрядов и фольклорных текстов. Отсутствие детей воспринимается как несчастливая судьба супругов, горе, зло для дома, для всего рода и наказание, опасность для села.

Представления о роде, наследственности играют важную роль в мотивировках развития у младенца определенных качеств, и в том числе многодетности. Отметим здесь и веру в то, что один человек воздействует на репродуктивную судьбу другого. Способностью повлиять на деторождение обладает повитуха. Совершая магические действия с плацентой, она лишает родившую женщину возможности вновь зачать, может даже вызвать смерть и роженицы, и ребенка. Знахари, недруги и недоброжелатели в силах навредить супругам и обречь их на несчастливую жизнь без детей. Считается, что в семье не бывает потомства из-за вредоносной магии во время свадьбы и венчания, направленной на лишение молодых их репродуктивных функций (болгарские представления об «испорченных» женихе и невесте – *завързан, завързана* ‘завязанный, завязанная’ сохранились до сих пор). Опасаясь порчи и сглаза на свадьбе, тщательно выполняют все запреты и рекомендации, предписанные народной традицией. Верят, что, если не пригласить на свадьбу слепого музыканта, у молодых родятся слепые дети и т.д.

III часть «Мифологические и народно-православные основы родин» начинается с подробного анализа культа Богородицы (**первая глава** «Култ Богородицы в родинах»). Важную роль в тексте родин играют почитание Богородицы и вера в то, что она определяет для новорожденного и его родителей жизненный сценарий. Этот культ эксплицируется в большом количестве архивных сведений и полевых записей из многих областей Болгарии. Данные других традиций (сербской, русской, украинской и белорусской), которые приводятся для сравнения в этой главе, свидетельствуют о том, что на общем фоне почитания Богородицы между восточно-

южнославянской традициями имеется ряд весьма значимых расхождений, позволяющих говорить о культе Богородицы как о балканизме в болгарском народном православии. Участие Богородицы в появлении ребенка на свет – один из важнейших конструктов родинного текста болгар. Вера в непосредственное участие Богородицы в женской судьбе, в то, что она присутствует при родах, в народной культуре носит ярко выраженный характер. Ритуальная деятельность (выпечка хлеба для нее и другие жертвоприношения) в сочетании с особыми словесными формулами (приглашение, благодарность и прощение), также составляет специфику болгарского родинного текста.

Болгарской версией культа Богородицы мы считаем акцентирование «родинной» и «женской» тематики в праздновании Рождества и в поверьях о святках (несколько удлинённых в народном календаре – начиная со дня св. Игната (20.12) и заканчивая Бабиным днем (8.01)).

Во второй главе **III части** подробно анализируются представления о болгарских (южнославянских, балканских) демонах судьбы. Представления о мифологических персонажах, предсказывающих жизненный сценарий при рождении ребенка, отчетливо и последовательно эксплицированы в языке и народной культуре болгар и в целом составляют значительный фрагмент традиционной картины мира. При этом вера в судьбу очень сильна и составляет «общеполгарское» знание, свойственное не только сельской культуре. Мотив пророчества при рождении поддерживается лексикой и фразеологией, входящей в словарь литературного языка, которая апеллирует к мифологическим персонажам (*орисия, така съм орисан* и мн. др.) и имеет широкое распространение. Фаталистические взгляды на судьбу и поверья о демонах судьбы следует рассматривать в контексте родинной обрядности.

Появление человека на свет, семантика первого, начала способствует развитию не только пассивного прогнозирования будущего, но и попыток повлиять на него. Близкие новорожденного, участники празднования родин, исполняя различные обрядовые действия, связывают их в определенной степени с посещением де-

монов судьбы. Представления об орисницах и их предсказаниях гармонично вписываются в прагматику родин и соотносятся с ее основными компонентами (апотропеическими, гиластическими, прогнозирующими и гадательными, продуцирующими и др.). Немало ритуальных действий обусловлено восприятием орисниц как демонов, злых духов иногда именуют обобщенным термином *дявули* (болг. родоп. 'дьяволы'). Выводы о болгарских демонах судьбы иллюстрирует комбинированная карта 9, на которой отражены терминология демонов судьбы (*орисници – наречници*), их ипостаси и посвященные им обряды.

В третьей главе III части интерпретируются «знаки» рождения. Время рождения (зачатья) особенно важно в традиционной картине мира. В болгарском родинном тексте маркировано рождение в праздник, во вторник и в субботу. Появление на свет в эти дни определяет обрядовый сценарий родин (выбор имени, совершение магических действий, соблюдения запретов на женские работы в эти дни), а затем экстраполируется на взрослую жизнь ребенка.

Особой семантической и мифологической нагруженностью отличается рождение в субботу. В диссертации представлено обобщение народных воззрений на «субботних» людей. В этом небольшом фрагменте выделяются следующие мотивы: 1. мотив зрения – видения (способность видеть нечистую силу, духов болезней и души умерших). Сюда относятся представления об особом взгляде «субботних» и о сглазе, а также о ночных кошмарах и видениях; 2. мотив знания: «субботние» не только видят, но и распознают колдунов, ведьм, нечистую силу, находят клады. Спорадически встречается мотив слышания – они слышат голоса умерших; 3. мотив прорицания – совмещение видения и знания, ясновидение, вещие сны; 4. мотив защиты, оберега – охрана пространства и находящихся в нем людей. Сверхъестественная сила, необыкновенные умения, ум и хитрость; 5. мотив борьбы – способность бороться и побеждать нечистую силу; 6. мотив оборотничества – могут превращаться в змеев; 7. мотив греховности – из-за своих контактов с нечистой силой «субботние» после

смерти сами становятся вампирами, караконджолами; 8. мотив уязвимости «субботних» – их болезненность, подверженность сглазу, слабость, недолговечность. В этой главе анализируются былички, повествующие об особенностях людей, рожденных в определенный день и/или час.

В IV части «Коды в родинном тексте» болгарские обряды исследуются через культурные коды, получающие развитие в контексте представлений о появлении ребенка на свет. Описываются пищевой и вкусовой (**первая глава**), числовой (**вторая глава**) и цветовой (**третья глава**) коды. В родинах и приуроченных к ним ритуалах по уходу за новорожденным фиксируется много продуцирующих ритуалов, которые словно снимают метафорику с некоторых оборотов речи, особенно сравнительных, делая их буквальными. Это распространено на восприятие *сладкого* в родинном тексте. Во время родов в доме топят мед для *сладкой* жизни младенца, на язык младенцу сыплют сахарный песок, чтобы он говорил *сладко* (приятно), и т.п.

Соль как полифункциональное средство в родинах известна всем славянам и неславянам. У болгар и некоторых народов сохранились ритуалы посыпания новорожденного солью, завертывания его в соль (в последнее время – лишь добавление соли в воду для купания). Обряд «соления ребенка» известен с древнейших времен, он фиксируется в Библии (Книга пророка Иезекииля). Краткий этнолингвистический анализ ритуала принадлежит Н.И.Толстому (*Н.И.Толстой. Солёный болгарин // Studia slavica. К 80-летию С.Б.Бернштейна. М., 1991*), который еще в 50-х гг. XX в. в экспедиции к болгарам Молдавии получил сведения об этом обряде. В диссертации собран и проанализирован обширный материал о «солении», «консервации» ребенка. Исследуются не только детали ритуала и его мотивация, но и проекция на взрослую жизнь – нарративы, повествующие о «соленых» и «несоленых» болгарях. Интересно, что из всего славянского мира соление новорожденного известно лишь болгарам, частично македонцам и восточным сербам. При этом соление остается довольно устойчивой состав-

ляющей родинной практики особенно у болгар, и выражение «соленый болгарин» равнозначно истинному болгарину, т.е. своему, а не чужому, не инородцу. Соление связывается с приобщением ребенка к православной вере, «погружение» в соль гарантирует то, что ребенок останется православным.

Второе как один из **числовых** кодов в болгарской культуре имеет устойчивые, постоянно воспроизводимые координаты, связанные с ущербностью, обездоленностью, болезнью, смертью и загробным миром, аномалиями и демоническими свойствами (это отражено на карте 11). Дериваты от *втор-* служат метафорическим обозначением смерти, последующего сиротства и/или вдовства. Негативная семантика *второго* усиливается в символическом языке обрядности (вторник, повторный брак, «повторенный» ребенок и др.), и все *второе* в жизни человека становится синонимом несчастливого и трагичного. В народной традиции выработано много магических приемов, направленных на то, чтобы избежать нежелательных повторов. Мотив повтора, эксплицированный в языке и культуре болгар, является специфической интерпретацией идеи магической связи рождения и судьбы. В ряде ситуаций повтор, *второе*, апеллирует к будущему и предопределяет ход событий или, наоборот, объясняет трагические события жизненного сценария взрослого человека фактами родинной обрядности.

Символическое использование **цветовой** гаммы и применение цвета как культурного кода в родинном тексте преимущественно относятся к человеку и связываются с его «младенческой» и «взрослой» судьбой. Цветовые характеристики являются постоянным компонентом болгарского и общеславянского родинного текста, среди признаков координат они встречаются часто. Поскольку одной из важнейших оппозиций родин служит жизнь/смерть, противостояние смерти (и матери, и младенца) отчасти приводит к тому, что обрядность родин во многом сходна с погребальным ритуальным комплексом. Это находит отражение в цветовых кодах. Так, согласно болгарским материалам, до 40-го дня, т. е. до очистительной молитвы, мать ходит в темных одеждах

без ярких цветов, полностью прикрывающих нижнюю белую рубашу, она носит черный платок, «словно соблюдает траур».

Цвет «смерти» различается в восприятии славян. Мотивировки, запрещающие беременным прощаться с покойником и ходить на похороны, содержат цветовые характеристики. У южных славян это чаще всего *желтый* цвет (при нарушении запрета у женщины родится *желтый* младенец), тогда как у восточных – *белый* (*смертельно белый*), *бледный*, *синюшный*. Красный цвет в этом контексте противопоставлен черному, как жизнь – смерти, и служит оберегом, о чем свидетельствует богатый общеславянский этнографический материал.

Универсальным цветом несчастливой судьбы является черный (ср. болг. *чернилка*, *чернило* и др., а также *чернея* ‘страдать, переживать’).

В V части «Прагматика родин» выявляются основные лингвокультурные координаты ритуализованного повседневного ухода за младенцем. В **первой главе** «Ритуализованное обращение с младенцем» содержится свод магических действий с новорожденным, которые широко распространены в народном быту. Среди актов, призванных повлиять магическим образом на «младенческую» и «взрослую» судьбу новорожденного, особенно выделяются купание и пеленание. Маркированным в акциональном ряду всегда является *первое*: обмывание, оборачивание и пр. Впоследствии купание, пеленание (и другие действия) остаются строго регламентированными, но уже не несут такого сильного инициационного заряда, как все первое. В эти повседневные, повторяющиеся действия включены магические действия, словесные приговоры, благопожелания, направленные на то, чтобы ребенок был здоровым, не страдал бессонницей, отсутствием аппетита и другими болезнями. Исполнители этих действий считали, что возможно сделать так, чтобы ребенок вырос спокойным, красивым, трудолюбивым и жил долго и счастливо. Список черт, свойств и характеристик, которые стремятся запрограммировать, практически неограничен. Очищение, профилактика болезней, отгон нечистой силы,

продуцирование положительных свойств и качеств ребенка, его «доделывание», приобщение к дому – все это составляет семантическое ядро ритуала купания.

Если при купании основное внимание уделяется воде, посуде, в которой происходит эта процедура, и некоторым другим обстоятельствам, то в пеленании главное – это то, во что ребенка «заворачивают». Пеленки – это первое «одеяние» ребенка, что служит одной из его важнейших характеристик (ср. термины младенца: болг. *пеленаче*, *пеленак* и др.). Считается, что через пеленки новорожденному могут передаваться болезни, в том числе и смертельные, и навредить демоны. С другой стороны, пеленка выступает заместителем ребенка в ритуалах лечения от бессонницы, плача, сглаза и др.

Во время пеленания, как и при купании, стараются «исправить» тело ребенка: вытягивают ноги, выпрямляют руки, плотно прижимая их к телу. С пеленками связан мотив жизни/смерти младенца (особенно в семьях, где «не держатся» дети), отчасти через обеспечение крепкого здоровья и отгон нечистой силы и демонов родин.

Во второй главе V части детально исследуются структура и семантика празднования первых шагов ребенка, включая и систематизацию поверий о способности/неспособности ребенка ходить. В этом праздничном комплексе болгар удивительным образом переплелись многочисленные славянские и неславянские (балканские) мотивы, отражающие архаическое восприятие человеческой ходьбы и создающие уникальный по своей целостности и разнообразию балканский фрагмент картины мира. Эта глава в большей степени, чем предыдущие, служит иллюстрацией комплексности исследуемых фактов народной культуры. Терминология, словесные формулы, фольклор (легенды, песни, былички и пр.), предметы (орудия труда, хлеб и другие угощения), ритуальные акты и магические действия — все это находит воплощение в празднике первых шагов. Темпоральный, пространственный, зоонимический, пищевой и другие коды ярко представлены в данном обрядовом комплексе и соответствующих поверьях.

Празднование включает в себя выпекание специального обрядового хлеба, приглашение гостей и угощение, а также магические действия, которые демонстрируют удивительную сохранность. Ходьба ребенка является объектом ритуальной практики и мотивом поверий у всех славян, однако праздник по случаю этого события устраивается преимущественно на Балканах. Болгарский (балканский) блок представлений, связанных с умением ребенка ходить, анализируется в широком общеславянском контексте. Такое сопоставление позволяет выявить болгарскую специфику концепта ходьбы, в котором концентрируются, соединяются воедино многие разрозненные славянские поверья и обрядовые практики. Праздничный комплекс по поводу первых шагов ребенка находит параллели и за пределами славянских земель, у тюркских и других народов Азии.

Ходьба как манифестация человеческого, культурного в противовес демоническому, животному, природному занимает важное место в системе традиционного мировоззрения. Концепт ходьбы выводит на анализ метафорических выражений о взрослом человеке, в которых используется «младенческий» код (ср. *сделать первые шаги, крепко встать на ноги* и др.), а сам праздник концентрирует в себе основные лингвокультурные идеи родин.

В Заключении изложены основные результаты работы и намечены перспективы дальнейшего исследования.

В диссертации представлен многоуровневый анализ родинного текста болгар, и различные методологические и теоретические подходы к материалу позволяют сделать выводы, относящиеся ко многим сферам гуманитарных наук. Родинный текст болгар – это комплексное явление, в котором лингвокультурные идеи выражаются различными способами и могут эксплицироваться в разные моменты и в разных ритуальных и необрядовых ситуациях. Терминология родин фиксирует особенности человека с его рождения; а фразеология, построенная на комментировании соблюдения родинных обрядов и запретов, объясняет специфику поведения

взрослого человека. Компоненты родинного текста служат кодом для взрослого жизни человека.

Идея многогранной связи рождения человека и его судьбы просматривается в мельчайших деталях родинного текста болгар. Сосуществование православных, народно-православных и языческих представлений о генезисе судьбы и невозможности ее изменения не влияет на тот факт, что родители ребенка стремятся запрограммировать его будущее, прибегая к магическим действиям и точно следуя предписаниям по выполнению обрядов, нередко инициационных по своей сути.

Наиболее релевантными, частотными и регулярно повторяющимися в родинном тексте следует считать следующие параметры (иногда представленные в виде одного члена оппозиции, позитивного или негативного): направление, векторы, пространство: вперед-назад; прямой-кривой; наружу-внутри; вверх-вниз; высоко-низко и др.; время: день/утро, вечер/ночь; пол: мужской/женский; атрибуты: сладкий/соленый (горький); первый/второй; первый/последний; красивый/уродливый; богатый/бедный (все они входят в более крупную оппозицию счастливый/несчастливый). Доминирующей же оппозицией следует признать противопоставление жизни и смерти, поскольку противоборство со смертью и победа над ней и означает, что впереди ребенка ожидает взрослая судьба.

Отметим, что значительная часть родинного текста, реконструированного в диссертации и связывающего рождение с судьбой, жизненным путем, сохраняется в языке и фольклоре. В большинстве случаев его поддерживает народный речевой кодекс – то общее знание, которое усваивается с детства через былички, нарративы, сказки и песни.

В диссертации выявлена градация и валоризация причинности роковых событий, соотносящихся с рождением человека. Так, смерть может быть результатом пророчества демонов судьбы; проклятия (матери, отца, крестных родителей); сглаза; рождения при убывающем месяце, в субботу; рождения одновременно с похоронами или смертью кого-либо в доме; неверного выбора имени

и пр. Ребенок может умереть и от «безобидных», казалось бы, действий: например, если его ударят обгоревшей пеленкой, если кто-либо будет качать пустую колыбель и др.

Для многих идей, связанных с рождением ребенка, можно выстроить синонимические ряды. Обстоятельствами индивидуально-родинного текста объясняется способность человека вредить другим людям (урочить, наводить порчу и пр.). Такие люди известны в селе, их стараются обходить стороной и не приглашают для исполнения обрядовых ролей в свадьбе, календарных обходах, при переезде в новый дом и пр. Сглазить может человек, рожденный во вторник или в субботу, «повторенный» (отлученный от материнской груди и после этого вновь взявший грудь), «отмеченный» (с родимым пятном, с изъязмами) и др. Наличие подобных цепочек – типичная черта архаического мышления (и балканской модели мира), отражающая амбивалентность восприятия события и его интерпретации.

В **Приложении I** публикуются избранные экспедиционные материалы по болгарским родинам в записях 1983–2004 гг., сделанные в метрополии и диаспоре. Они служат иллюстрацией к основным положениям диссертации и содержат наряду с универсальными уникальные сведения об обрядности болгар.

Локальные версии родин содержат общие моменты. Так, во всех селах отмечены народные объяснения появления родимых пятен (*белег, нишан*) у младенцев, представления о судьбе, удаче (*късмет*), поверья об орисницах. Зафиксированы также рассказы о ритуале соления младенца, праздновании родин и почитании Богородицы. Повсюду особое внимание уделяется выбору имени и предполагается наличие связи между принципом имянаречения и судьбой младенца. Хорошо сохранилась вера в силу сказанного слова (проклятия, пожелания), в сглаз и порчу и пр.

Обрядность демонстрирует и региональные различия. Особенно ценными в этом контексте являются описания ритуальной кражи и «заклинивания» младенца (с. Равна); почитание беременными св. Симеона (с. Равна и с. Кирсово) и соответствующие ка-

лендарные запреты, перечисление которых сопровождается целым рядом быличек.

В **Приложении II** даются этнолингвистические карты. Хотя диссертация не ставит целью в полном объеме показать ареологию важнейших лингвокультурных компонентов болгарских родин, составление карт (лексических, семантических, комбинированных) стало важной частью работы. Карты выявляют распространение заимствований (греч. *лехуса* – слав. *родилка*, карта 4); частотность и многообразие имен детей до крещения как яркий балканизм в болгарском родинном тексте (карта 5); причину появления родимых пятен на теле младенца и их терминологию (карта 7); локальную специфику «субботних» людей (карта 12) и репрезентативность мотива повтора на болгарской территории (карта 11). Карта 14, показывающая временную приуроченность гаданий о будущем младенца, выявляет славянские и балканские изоглоссы и изопрагмы.

Положения диссертации отражены в монографии, 73 статьях и тезисах.

По теме диссертации опубликована монография:

Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. – 430 с. 27 п.л., карты.

Статьи в рецензируемых научных журналах из списка ВАК:

1. Из словаря «Славянские древности». Афанасий // Славяноведение. 1994. № 3. С. 5–7 (соавт. С.М.Толстая).
2. Из словаря «Славянские древности». Волчи дни // Славяноведение. 1994. № 5. С. 55–57 (соавт. Г.И.Кабакова).
3. Из словаря «Славянские древности». Караконджол // Славяноведение. М., 1998. № 6. С. 13–14.
4. Заимствованное слово и его этнокультурные коннотации: болг. *КЪСМЕТ* // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 44–52.
5. Ребенок в судьбе и жизненном сценарии взрослых // Традиционная культура. Научный альманах. 2005. № 3. С. 52–62.

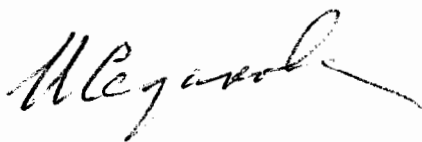
**Статьи в сборниках научных трудов,
материалах конференций и др.:**

6. Этнолингвистическая характеристика родильной обрядности болгар // Болгаристика в системе общественных наук. Вторая всесоюзная конференция по болгаристике. Харьков, 1991. С. 172–174.
7. Обрядовые аллюзии в болгарских паремиях // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-2. М., 1993. С. 126–136.
8. О некоторых типах клишированных изречений в народной речевой культуре болгар // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София, 1993. С. 110–116.
9. One Metaphor of Human Behavior: A Mill - A Talkative Person / 7-me Congrès international d'études du Sud-Est européen (Thessalonique, 29 aout – 4 septembre 1994). Communications. Athens, 1994. P. 286.
10. Славянобалканские представления о демонах судьбы: Трансформации во времени и пространстве // Время в пространстве Балкан: свидетельства языка. М., 1994. С. 42–64.
11. Некрещенные младенцы в традиционных представлениях славян: человеческое и нечеловеческое // Миф и культура: человек – не-человек. М., 1994. С. 21–23.
12. Ритуальный хлеб в традиционной обрядности болгар: родины и основные этапы развития ребенка // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 130–138.
13. BIRTH and FATE: An Ethnolinguistic Analysis of some Bulgarian Idioms // Proceedings of the 9th Biennial Conference on Balkan and South Slavic Linguistics, Literature, and Folklore. Indiana University Bloomington, Indiana, 7-9 April 1994. Indiana Slavic Studies. Vol. 7. 1994. P. 255–260.
14. Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы (славяно-балканские параллели) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 284–306.

15. «Жилец» – «нежилец». Магия и мифология родин // Живая старина. М., 1997. № 2. С. 9–11.
16. Регламентация поведения беременной: еда и питье//Кодови словенских култура. Београд, 1997. Т. 2. С. 30–38.
17. Экспедиция в болгарское село Равна (Провадийская община, Варненская область, Болгария) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы второго совещания. Санкт-Петербург, 19 декабря 1997 г. СПб., 1998. С.106–120.
18. Заметки по этнографии речи (На материале славянских родин) // Слово и культура. Памяти Н.И.Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 205–215.
19. Матримониальные мотивы в славянских родинах // Кодови словенских култура. Свадба. Београд, 1998. Т. 3. С. 111–120.
20. Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 442–460 (соавт. Л.Г.Невская, Т.М.Николаева, Т.В.Цивьян).
21. Крик в поверьях и обрядах, связанных с рождением и развитием ребенка//Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 105–123.
22. Балканское в словаре духовной культуры болгар // Балканские чтения-5. В поисках «балканского» на Балканах. М., 1999. С. 70–72.
23. О «знаках» и «отметинах» в традиционной культуре южных славян (*белег* и *нишан*) // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М.Толстой. М., 1999. С. 399–416.
24. Этнокультурный контекст болгарских фразеологизмов о характере и судьбе человека //Славянское и балканское языкознание. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 112–123.
25. Cult of the Virgin Mary and the Holy Nativity's Allusions (in Slavic and Balkan traditional childbirth customs) // Folk Religion. Continuation and Change. Portugal, Porto, 2000. P. 113–121.
26. О *сладком* в языке и культуре болгар //Etnolingwistyka. 12. Lublin, 2000. S. 55–65.

27. Из опыта работы над МДАБЯ. Болгарская лексика по теме «Человек как личность» // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лексикография. М., 2001. С. 52–66.
28. Дете // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд, 2001. С. 150–151.
29. Клетва // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд, 2001. С. 270–271.
30. Цветообозначения и их место в символике славянских родин // Кодови словенских култура. Т. 5. Београд, 2001. С. 57–65.
31. Культ Богородицы в славянских родинах // Родины, дети, повитухи в традиционной народной культуре. М., 2001. С. 151–163.
32. Семантика и символика *второго* у болгар (с некоторыми славянскими параллелями) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 209–225.
33. Орисници // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 347.
34. Повитуха // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 369–370.
35. Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством) // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 534–549.
36. Bulgaaria sünnipärimused aastatuhandevahetusel («Болгарская лексика и обрядность родин на рубеже 21 тысячелетия») // Mäetagused. 26. Tartu, 2003. P. 151–160 (на эстонском языке).
37. «Субботние» люди на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. М., 2003. С. 269–278.
38. Имянаречение у болгар: балканская перспектива // Актуальные вопросы балканского языкознания / Отв. ред. А.Н.Соболев, А.Ю.Русаков. СПб., 2003. С. 110–120.
39. Имя и традиция // Славянский вестник. Выпуск второй. М., 2004. С. 314–324.

40. *Прощание и прощение*. Опыт этнолингвистического анализа // *Язык культуры: семантика и грамматика*. М., 2004. С. 401–411.
41. *Купание младенца* // *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 51–54.
42. *Оповещение* // *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 551–552.
43. *Балканское* в терминологии и обрядности южнославянских родин // *Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004)*. СПб., 2004. С.282–301.
44. *Balkanisms in South Slavic Childbirth Customs* // *IX International Congress of South East European Studies. Resumes*. Tirana, 2004. P. 225–226.
45. Этнолингвистический анализ ключевых лексем словаря балканского языкового союза // *Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность)*. М., 2005. С. 157–161.
46. *Life events in the context of ritual year: folklore interpretations* // *The Ritual Year and Ritual Diversity. Second Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year*. Gothenburg, Sweden June 7–11, 2006. Resume. P. 37–38.

Подписано в печать 04.08.2007
Объем 2,8 п.л. Тираж 100 экз.
Типография «Пробел-2000».

